

**Политизация языка религии
и сакрализация языка политики
во время революции
и гражданской войны**

Сборник статей

«Лики России»
Санкт-Петербург
2018

Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и гражданской войны: Сборник статей / Ред. Б.И.Колоницкий. – СПб., Лики России, 2018. – 176 с.

Под общей редакцией д.и.н. Б.И. Колоницкого

Авторский коллектив:

А.К. Бустанов, К.В. Годунов, Д.В. Дородных,

Б.И. Колоницкий, А.В. Резник, Н. Саакян, Ю.А. Сафронова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 17-81-01042-ОГН,
не подлежит продаже.

На обложке иллюстрация художника Н.Ф. Барклай

ISBN 978-5-87417-572-6

© Авторы статей, 2018

Политическая агиография Льва Троцкого и сакрализация революции: случай Георгия Устинова

Одним из самых популярных вопросов, которые поднимаются в связи с эпохой войн и революций 1914–1922 годов, был и остается вопрос о том, как большевики завоевали и удержали власть в России?¹ Традиционно многие историки тяготеют к объяснению этой проблемы, прибегая к большевико-центрированному и ленино-центрированному взгляду². Такой узкий фокус неизбежно упрощает многомерную панораму многослойных, переплетенных, разнонаправленных политических практик, акторов и дискурсов. Политическая история Гражданской войны не является исключением, поскольку большинство исследователей поглощены вниманием к государственным, партийным и военным институтам: Совнарком, Политбюро, Наркомвоен, Реввоенсовет, и другим³. Как видно на примерах заметных монографий, основной

---

¹ В последние годы вышло много монографий и спецвыпуском журналов, посвященных этой проблеме. Среди прочего, см.: Эпоха войн и революций: 1914–1922 : Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). СПб. : Нестор-История, 2016.

² Б.И. Колоницкий обратил на это внимание в своем эссе: *Kolonitskii B. I. On Studying the 1917 Revolution: Autobiographical Confessions and Historiographical Predictions // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16(4). P. 752.*

³ Соответственно: Совет народных комиссаров (СНК), Политическое бюро ЦК РКП(б), Народный комиссар по военным и морским делам, Революционный военный совет Республики (РВС, РВСР).

пласт невоенной историографии Гражданской войны до сих пор определяется традиционной политической историей⁴. Антропологические, ориентированные подходы «новой» политической истории Гражданской войны позволяют расширить проблематику исследований⁵. Традиционно объектом повышенного внимания историков служит пропаганда «красных», послужившая эффективным средством политической мобилизации и в конечном итоге — их победы⁶. Масштабы и интенсивность, новаторство талантливых художников и поэтов — наряду с этими и другими характеристиками пропаганды историки выделяют роль вождей в качестве слагаемых политико-символического порядка в годы революции и Гражданской войны.

Главой военного ведомства с 1918 по 1925 годы являлся Лев Давидович Троцкий. Интерес к фигуре эффектного наркомвоенмора и предреввоенсовета со стороны как профессиональных исследователей, так и более широкой аудитории, обусловлен его крайне противоречивым образом в культурной памяти России⁷. Источники Троцкианы следует

⁴ См. например: *Ганин А. В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М. : Пятый Рим, 2018. Среди наиболее значительных попыток концептуального переосмысления Гражданской войны: *Smele J.D.* The “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. Oxford: Oxford University Press, 2015. Большой нарратив об эпохе с прицелом на социальную и культурную историю: *Engelstein L.* Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. Oxford : Oxford University Press, 2018. — Особенно Part V. Региональные исследования с фокусом на белых и зеленых соответственно: *Новикова Л.Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М. : Новое литературное обозрение, 2011; *Посадский А.В.* Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. М. : Центрполиграф, 2018.

⁵ См. например: *Raleigh D.J.* Experiencing Russia’s Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. Princeton : Princeton University Press, 2002; *Морозова О.М.* Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. Родственным можно назвать подход Питера Холквиста, которого интересуют политические практики: *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia’s Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2002.

⁶ Классическое исследование: *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge : Cambridge University Press, 1985.

⁷ Л. Д. Троцкий: pro et contra, антология. 2-е изд., исправ. и доп. / Сост., вступ. статья, коммент. А. В. Резника. СПб: РХГА, 2017. С. 7–40.

искать непосредственно в событиях революции и Гражданской войны. Впрочем, в 1917 году Троцкий не был, подобно Александру Керенскому, «олицетворением революции»⁸. Вокруг вождя Февральской революции целенаправленно создавался политический культ, и «сам креативный министр внес немалый вклад в создание „протосоветской“ политической культуры»⁹. Но в случае Троцкого, за редкими исключениями, историки не обнаруживают целенаправленных действий Троцкого по возвеличиванию себя¹⁰. Безусловно, пропаганда «красных», равно как и контрпропаганда «белых» и других антибольшевистских сил, уделяли большое, порой чрезмерное внимание главе Красной армии, а его «бонапартистский» образ, провоцировавший слухи и страхи военного контрреволюционного переворота, послужил козырем его оппонентов в борьбе за власть в 1923 году¹¹. Однако масштабы и эффективность большевистской индоктринации нередко преувеличиваются, а подчас и гиперболизируются¹². Обращаясь к особенностям культа Троцкого, необходимо видеть его в контексте эпохи культов вождей в целом и конкретные обстоятельства его создания и распространения¹³.

⁸ *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть : к изучению политической культуры российской революции 1917 года. 2-е изд. СПб. : Лики России, 2012. С. 284.

⁹ «Важной частью этого вклада был культ вождя. Создатели культов Ленина, Троцкого, а затем и Сталина, культов советских вождей меньшего масштаба активно использовали наработки, опробованные и распространенные сторонниками Керенского» (*Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» [март – июнь 1917 года]. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 482).

¹⁰ Наверное, самый известный пример подобной формулировки: *Васецкий Н.А.* Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. С. 92.

⁸ Об этом см.: *Резник А. В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во СПб Европейского ун-та, 2018. С. 102–117.

¹² См.: *Яров С.В.* Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 2014; *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М. : РОССПЭН, 2010. (Особенно о Троцком см.: С. 404–408).

¹³ *Kolonitskii B.* Russian Leaders of the Great War and Revolutionary Era in Representations and Rumors // *Frame M., Kolonitskii B., Marks S. G., Stockdale M.K. (Eds.)*. Cultural History of Russia in the Great War and Revolution, 1914–22. Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions. Bloomington : Slavica Publishers, 2014. P. 51–52.

Литература, посвященная современным политическим культам, обширна и многогранна. В то же время немногим исследователям удалось, подобно Яну Пламперу, вписать «советский» случай, а именно культ Сталина, в глобальный контекст современных (модерных) культов личности¹⁴. Книга Нины Тумаркин о культе Ленина оказала большой вклад в изучение сакральных аспектов советской политической культуры¹⁵. Убедительно продемонстрировав, как посредством пропагандистских практик в годы Гражданской войны Ленин превращался в «культовую фигуру» и даже «святыню», Тумаркин в то же время переоценила религиозный компонент традиционной русской культуры в структуре ленинского культа. На новом историографическом этапе подход Тумаркин был подвергнут обстоятельной критике Бенно Эннкером, скрупулезно изучившим архивные источники, недоступные его предшественникам, и применившим более серьезную теоретическую рамку¹⁶. Хотя литература, посвященная советским, большевистским, коммунистическим и другим «левым» культам, обширна¹⁷, важно учитывать опыт сакрализации белогвардейских лидеров, а также разнообразных военно-политических вожаков (атаманов)¹⁸. Возвращаясь к проблеме эпохи войн и революций, важно подчеркнуть, что культура сакрализации политических лидеров имела широкое распространение, а в случае Пилсудского в Польше — и сравнительно большое значение для официальной политики властей¹⁹.

¹⁴ Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

¹⁵ Tumarik N. Lenin Lives!: The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge : Harvard University Press, 1983 (Рус. пер.: Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб. : Академический проект, 1997.)

¹⁶ Б. Эннкер в первую очередь опирался на теорию Макса Вебера о власти и харизме: Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М. : РОССПЭН, 2011. См. также: Великанова О.В. Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам. Lewiston, N.Y. : The Edwin Mellen Press, 2001; Velikanova O. Making of an idol: on uses of Lenin. Gottingen : Muster-Schmidt, 1996.

¹⁷ Morgan K. International Communism and the Cult of the Individual: Leaders, Tribunes and Martyrs under Lenin and Stalin. London : Palgrave Macmillan, 2017.

¹⁸ Журавлев В.В. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей. Вып. 3. Новосибирск : Параллель, 2012. С. 102–111; Морозова О.М. Антропология гражданской войны. С. 269–293.

¹⁹ Heidi H. Der Pilsudski-Kult und seine Bedeutung für den polnischen Staat 1926–1939. Marburg : Verlag Herder-Institut, 2002. S. 34–62.

Вслед за Яном Плампером в рамках данной статьи культ личности понимается широко — «как символическое выражение чрезвычайного возвышения какого-либо лица над всеми окружающими»²⁰. Плампер связал свое понимание культа личности с хрестоматийным понятием Эдварда Шилза о «сакральном» — определенном «порядке символов, ценностей и верований, который правит (*govern*) обществом»²¹. Марк Стейнберг, для которого «сакральное» послужило центральным понятием для исследования позднеимперской модерности, определил его как «культурное поле образов и повествований, которые говорят с чувством благоговения и мистики о структурах смыслов и власти, выходящих за пределы познаваемого материального мира к трансцендентным мифическим свойствам»²². Такой взгляд не противоречит тому, что Россия в начале XX века стремительно секуляризировалась, но этот процесс парадоксальным образом «предполагал проникновение элементов религиозности (понимаемой по-разному — и в духовном смысле, как вера в сверхъестественное, и, по Дюркгейму, как часть социального механизма. — А.Р.) в новые сферы общественной жизни, такие как политическая борьба...»²³. Подвижные и оспариваемые границы «сакральное» в символическом пространстве политических процессов 1917 года были лучше всего раскрыты на примере культа Керенского²⁴. С завоеванием власти большевиками и началом Гражданской войны сакральная аура Керенского как «вождя революционной армии» в известном смысле передалась — вместе с «титолом» — новому главе военного ведомства.

Сравнительная история культов вождей революции не входит в задачи данной статьи, но, подступаясь к реконструкции сакрализации образа Троцкого, важно отметить, что ему

²⁰ Плампер Я. Алхимия власти ... С. 9.

²¹ Shils E. Centre and periphery // The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi. London : Routledge & Kegan Paul, 1961. P. 117. По выражению Шилза, каждое общество имеет свою «официальную» религию, даже если оно понимает себя как секулярное, плюралистическое и толерантное.

²² Steinberg M. D. Proletarian imagination: self, modernity, and the sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca : Cornell University Press, 2002. P. 9.

²³ Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М. : Новое лит. обозрение, 2015. С. 16.

²⁴ См.: Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский» ...

была посвящена всего одна биография — «Трибун революции (Л. Д. Троцкий)»²⁵. Эта небольшая брошюра заслуживает особого внимания не только по причине своей уникальности, но и в качестве любопытного источника по изучению политического языка Гражданской войны. Интерес представляет и личность ее автора — Георгия Феофановича Устинова (1888 — 1932).

О дореволюционном периоде жизни Устинова известно немного. В 1924 году литературный критик Лев Клейнборг сообщал: «Устинов ныне пишет лишь на темы дня. Таким, однако, сделала его революция. До революции он был беллетристом. По крайней мере, таким я узнал его по тому материалу, который, по его просьбе, передал мне В. Д. Бонч-Бруевич, намеревавшийся издать его книгой»²⁶. Забегая вперед, отметим, что Бонч-Бруевич, близкий сподвижник Ленина, управляющий делами Совета народных комиссаров, был известным специалистом по сектантству и старообрядчеству. Вполне возможно, что Устинову, внуку известной старообрядки, помогло знакомство с авторитетным большевиком, пытавшимся в свое время вести революционную пропаганду среди старообрядцев. Известен также краткий автобиографический текст Устинова 1916 года, из которого видно, что в семнадцать лет он бросил учебу и пошел в матросы, плавал по Волге. Свой опыт политизации он описал кратко, но типично для нарратива обращения к «сознательности»: «Сормовские события заставили меня всмотреться в жизнь; они перевалили меня, — полуграмотного, — за ту грань, где начинается сознательное бытие». Здесь, судя по всему, имелись события Декабрьского восстания 1905 года в промышленном районе Сормово Нижнего Новгорода. Устинов поведал, что в 1907 и 1912 годах его судили, а во втором случае и посадили в тюрьму, за рассказы и фельетоны. Однако в год начала мировой войны ему ничто не помешало опубликовать брошюру, переполненную клише о Германии как стране «без истории», населенной «жесточайшими варварами национализма»²⁷.

²⁵ Устинов Г. Трибун революции (Л. Д. Троцкий). М.: Денница, 1920. Здесь и далее по тексту в скобках будут указываться номера страниц этого издания.

²⁶ Клейнборг Л.М. Очерки народной литературы (1880–1923 гг.). Беллетристы. Факты, наблюдения, характеристики. Л. : Сеятель, 1924. С. 94.

²⁷ Залетный К. [Устинов Г.Ф.] Великая война: (1914 г.) Ярославль: тип. «Печ. дело», 1914. Брошюра заканчивалась на такой пафосной ноте: «За нами Правда, за нами будет и победа, которая возродит Россию к свободной и прекрасной жизни!...» (Там же. С. 16).

Накануне революции Устинов состоялся в качестве провинциального журналиста, беллетриста и заурядного писателя. Он оставил характерное признание: «Начав с быта, я в своем мытарстве неизменно двигался куда-нибудь, по характеру своему неспособный усидеть на одном месте. Теперь я хорошо и ясно чувствую, что народный писатель из меня выйдет плохой. И не стремлюсь к этому. Я — язычник, аморалист, способный преклоняться перед Байроном, Уальдом, Лермонтовым, Г. Манном. Из русских ценю и высоко ставлю Леонида Андреева, стихи Бунина, А. Куприна и терпеть не могу бытовиков, всех в один голос подражающих Максиму Горькому»²⁸. Действительно, «язычник» и «аморалист» следовал схожей Горькому траектории, но ему предстояло обогнать классика в радикализме.

Нельзя исключать знакомство Устинова с революционными кругами, но его вовлечение в политику произошло после Февральской революции. Сам он утверждал, что уже в апреле 1917 года его пригласили большевики Минска в качестве литературного работника, но не менее вероятно, что Устинов симпатизировал тогда левым эсерам. Его «большевицкая» карьера началась не позднее декабря 1917 года, когда он редактировал газету «Советская правда»²⁹. По некоторым сведениям, он начал публиковаться в «Правде» в 1917 году, но факты его сотрудничества с центральным органом большевиков обнаружены лишь за 1919 год. Как бы то ни было, важно, что в центральном органе Советов Устинов начал публиковаться не позднее мая 1918 года. Названия его статей в «Известиях» красноречивы: «Революционный реализм» (10 мая 1918), «Новые упования контрреволюции» (11 мая 1918), «Без почвы» (18 июня 1918), «Конец партии с.-р.» (29 июня 1918), «Безумство слабых» (10 июля 1918), «К ответу» (14 июля 1918), «Гнездо контрреволюции» (23 июля 1918), «Чехо-английская контрреволюция» (25 июля 1918), «Наступление на революцию» (6 августа 1918), «Черный заговор» (5 августа 1918), «Обывательские бредни» (9 августа 1918), «Под крылышком буржуазии»

²⁸ *Клейнбот Л. М.* Очерки... С. 96–97.

²⁹ Эти биографические данные почерпнуты из противоречивых источников и нуждаются в проверке: *Кузнецов В.* Он скрывал тайну гибели Есенина // Новый журнал (СПб). 2000. N 2. С. 103; *Шрамко С.* Красный Торквемада // «Сибирские огни». 2010 N 8. URL: <http://www.sibogni.ru/content/krasnyu-torkvemada-1> (дата обращения: 01.07.2018).

(20 августа 1918). Эти и многие другие статьи зачастую публиковались на первой странице газеты «Известия». Закреплением успеха Устинова стало то, что в 1918 году издательство ВЦИК выпускает его брошюры, основанные на газетных публикациях³⁰. В первых двух он обрушивается на оппозиционные социалистические партии, затем следует беллетристика о деревенской «Коммуне», а также критика интеллигенции³¹. В 1920 году в Омске была издана брошюра Устинова об РКП(б), приуроченная к проводимой в Сибири «партийной неделе»³².

Очевидно, после возвращения Устинова из Сибири, вышел из печати «Трибун революции». По иронии судьбы, тогда же карьера Устинова пошла по нисходящей. В 1921 году он даже «механически» выбыл из партии (среди возможных причин называются семейные обстоятельства и даже склонность к алкоголю). Он уже никогда не возвращался на первые полосы ведущих газет. Сборник литературной критики, рассказы и роман не принесли ему славы³³. Не помогла и книга про Румынию³⁴. Устинов постоянно меняет место работы: в 1922 году он — заместитель редактора «Петроградской правды», но

³⁰ Возможно, в этом ему помогло знакомство с К.С. Еремеевым, который возглавлял издательство ВЦИК (*Кузнецов В.* Он скрывал тайну гибели Есенина. С. 118).

³¹ *Устинов Г.* Крушение партии левых «эс-эров». М. : Изд-во Всерос. центр. испол. ком. сов. р. с. и к. д., 1918; *Устинов Г.* Большевики, правые эс-эры и контр-революция. М.: Изд-во Всерос. центр. испол. ком. сов. р. с. и к. д., 1918; *Устинов Г.* Интеллигенция и Октябрьский переворот. М. : Изд-во Всерос. центр. испол. ком. сов. р. с. и к. д., 1918. Извещения о двух книгах были опубликованы в «Известиях» 22 ноября 1918 г. В одной краткой анонимной рецензии его книга об интеллигенции была охарактеризована как дающая «вполне верный образ современной российской буржуазной интеллигенции», но в качестве недостатка отмечено «полное замалчивание» перехода части интеллигенции на сторону советской власти (Известия. 1918. 23 ноября).

³² *Устинов Г.* Российская Коммунистическая партия (большевиков). Омск : Сиб. отд. Гос. изд-ва, 1920. «Партийной неделей» называлась политическая кампания, подразумевавшая комплекс агитационно-пропагандистских и мобилизационных мероприятий, проводившихся РКП(б) с осени 1919 г.

³³ *Устинов Г.Ф.* Литература наших дней. М. : Девятое января, 1923; Его же. Черный ветер. М.; Л. : Гос. изд-во, 1926; Его же. Пропащие годы: Рассказы: 1. Пропащие годы. 2. Сердце Терентия Власыча. Л. : Гос. изд-во, 1926. См. также: Его же. Человеческое. Повести и рассказы. М., Л. : Гос. изд-во, 1927.

³⁴ *Устинов Г., Бесядовский К.* Современная Румыния: 1. Историко-полит. очерк. 2. Военно-геогр. и военно-стат. описание. М. : Высш. воен. ред. сов. Гос. изд-во, 1923.

вскоре уже — обычный литературный сотрудник петроградской «Красной газеты» и «Бедноты». Он также служил рецензентом-редактором агитпоезда Госиздата (1921), цензором, инспектором по делам печати и зрелищ, заведующим губполитпросветом в Костроме (1925)³⁵.

Более широкой публике Устинов стал известен как друг Есенина, первым обнаруживший его труп в декабре 1925 года. Они дружили с 1918 года, и не случайно, что в первых номерах журнала «Новый мир», вышедшего при участии Юрия Стеклова, хорошего знакомого Устинова по работе в «Известиях», были опубликованы повесть Устинова и стихотворение «Черный человек» Есенина. На протяжении нескольких лет литератор тщетно апеллировал к Центральной контрольной комиссии ВКП(б) с просьбой вернуть ему партбилет и с трудом добился этого лишь незадолго до смерти. Устинов свел счеты с жизнью в декабре 1932 года, когда происходила «перестройка литературно-художественных организаций» и был основан Союз советских писателей³⁶. Имя Устинова было предано забвению...

Конец лета — осень 1918 года были пиком «героического» периода жизни Устинова. Тогда он был зачислен в команду легендарного поезда наркома военных и морских дел, или «Поезда Троцкого»³⁷. Устинов занял пост редактора газеты «В пути», которая печаталась прямо в типографии поезда. В первом номере он помещает свою статью в качестве

³⁵ В. Л. Генис ошибочно решил, что заведующим отделом заграничной информации РОСТА (с 1922) был назначен Георгий Устинов, хотя это решение Политбюро с большей вероятностью касалось известного левого эсера Алексея Устинова (*Генис В.Л.* Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы [1920–1933]. Опыт документального исследования в 2-х книгах. Кн. 2. «Третья эмиграция» [1929–1933]. М.: без. изд., 2012. С. 794). Георгий Феофанович никогда не занимал таких высоких постов.

³⁶ За несколько месяцев до самоубийства Устинов был подвергнут разгромной критике в главном советском писательском офицозе: Критика вульгарная, критика недобросовестная // Литературная газета. 1932. 17 мая.

³⁷ О поезде, в первую очередь, см.: *Tarkhova N.S.* Trotsky's Train: An Unknown Page in the History of the Civil War / The Trotsky Reappraisal. Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 1992. P. 163–173; *Тархова Н.С.* Поезд Троцкого – летучий аппарат управления наркомвоена / Государственный аппарат России в году революции и гражданской войны. Матер. Всерос. конф. 22 декабря 1997 г. М., 1998. С. 128–141; *Argenbright R.* Honour among communists: "The glorious name of Trotsky's train" // *Revolutionary Russia*. 1998. N 1. P. 45–66.

передовой³⁸. Его авторство угадывается и в других преисполненных пафоса опусах: «Революционное Бородино» (10 сентября, день взятия Казани) и «У последней черты» (15 сентября). Впрочем, уже в октябре редактором становится К.М. Рычков-Ракай, а в начале 1919 года имя Устинова не значится в списке сотрудников. По-видимому, он сохраняет связь с поездом, так, например, в 1921 году Секретариат ЦК РКП(б) откомандировал его «в поездку с тов. Троцким»³⁹. После рокового исключения из партии имя Устинова встречается в связке с Троцким единично, например, в 1922 году, когда журналист тщетно пытался получить одобрение Политбюро на выпуск «частной» коммунистической газеты⁴⁰.

Насколько можно судить по этим неполным биографическим сведениям, Устинов был относительно успешным советским публицистом и функционером, отличавшимся усердием на «идеологическом фронте» официоза. Будучи одним из многих «выдвиженцев» эпохи войн и революций, он пережил резкий скачок в статусе от малоизвестного провинциального беллетриста до одного из самых заметных литературных сотрудников советской власти. Достаточно сказать, что множество его статей публиковалось на первой странице «Известий», а отличавшийся требовательностью Троцкий доверил ему редактировать газету своего поезда, пусть и на короткий срок.

Роль вождя Красной армии в деле появления «Трибуна революции» неизвестна, поэтому было бы ошибочно, подобно некоторым историкам, предполагать, что «дифирамбы» Устинова могли «нравиться» Троцкому⁴¹. Последний в 1930-е годы сам имел склонность преувеличивать масштабы своей власти, утверждая, что в 1920 году в его руках «сосредотачивалась фактически неограниченная власть»⁴². Но к этому времени увеличились не только масштабы пропагандистских публикаций, но и общий объем проблем, стоявших перед наркомом, и он едва ли вникал в издательские дела. В личном архиве Троцкого

³⁸ Дружно! // В пути. 1918. 8 сентября.

³⁹ Устинов был командирован на один месяц 25 августа 1921 года (*Кузнецов В.* Он скрывал тайну гибели Есенина. С. 112).

⁴⁰ Литературная жизнь России 1920-х годов: события, отзывы современников, библиография. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 574. В протоколе заседания Политбюро 2 ноября 1922 г. значился вопрос «О частной коммунистической газете» (поставлен Троцким), но детали обсуждения не известны.

⁴¹ *Чернявский Г.* Лев Троцкий. М. : Молодая гвардия, 2010. С. 235.

⁴² *Троцкий Л. Д.* Преступления Сталина. М. : Московский рабочий, 1994. С. 271.

сохранилась рукопись другой пропагандистской книги 1920 года — «Красный часовой — Кронштадт» известного «сатириконца» Д'ора (И.Л. Оршера)⁴³, но и в этом случае сложно судить о роли Троцкого в формировании ее содержания.

Троцкий, безусловно, был знаком с содержанием «Трибуна революции» и на определенном этапе принял участие в работе над ней, написав для Устинова краткую автобиографию⁴⁴. Устинов также активно использовал фрагменты и сюжеты из документа, который мог оказаться у него только по воле Троцкого⁴⁵. Но Устинов и сам напоминал Троцкому о посвященном ему опусе — в письме в конце 1923 года, т. е. в самое неудачное время, когда адресат был болен и одновременно поглощен внутрипартийной борьбой: «К 6-й годовщине Красной Армии я приурочиваю выпуск довольно объемистой книги, посвященной Вашему Поезду и Вашей работе. То, что написано в моей брошюре „Трибун революции“, войдет и сюда в совершенно переработанном виде, как часть книги», — писал Устинов, чтобы попросить у Троцкого литературу, иллюстрации, «факсимиле (несколько фраз и подпись)», «портрет или фотографию»⁴⁶. Сомнительно, что Устинов дождался ответа, более того, политический климат за несколько месяцев изменился настолько, что книга, запланированная к выходу в украинском «Госиздате», не имела шансов появиться на свет.

Первое и единственное издание вышло в издательстве «Денница». Основанное в Москве не позднее 1918 года, оно успело выпустить не более тридцати наименований литературных и общественно-политических произведений, последнее из которых датируется в российских каталогах 1924 годом. Половина изданий были переводными (Джон Голсуори, А.Д. Холл, Ги де Мопассан и др.), известные же российские авторы, чьи произведения издавались в «Деннице» неоднократно, были представлены патриархами советской журналистики Юрием

⁴³ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 13; Д'ор О. Л. [Оршер И.О.] Красный часовой — Кронштадт. М.: Лит.-изд. отд. ПУ РВСР, 1920.

⁴⁴ См. оригинал: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 14. Л. 19. В 1920-е гг. эти материалы были использованы при работе над комментариями для собрания сочинений Троцкого.

⁴⁵ См. «Записки» старшего адъютанта штаба 4-й армии, написанной 22 сентября 1918 г. в г. Покровск: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 10. Документ представляет собой детальное описание посещения наркомом 4-й армии 17 сент. 1918 г.

⁴⁶ Устинов — Троцкому, 23 ноября 1923 года // РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 237. Л. 97–98.

Стекловым и Владимиром Фриче. Крайне примечательно, что «Трибун» вышел в свет не в государственном, партийном или военном издательстве.

Главные обстоятельства публикации брошюры разъясняются в кратком предисловии «от издательства»: она была написана в конце 1918 года, «но вследствие целого ряда причин» не могла быть напечатана. «Написанная в разгаре гражданской войны — брошюра, естественно, во многом устарела, — признавалось далее, — но тем не менее она не утратила интереса и в наше время, когда победоносная Красная армия, ликвидировав фронт кровавый (так в тексте. — А.Р.) — переходит на не менее героическую борьбу на фронте бескровном, по-прежнему, имея на последнем фронте своим вождем великого трибуна и организатора пролетарской революции т. Троцкого» (С. 5).

Это предисловие вводит в заблуждение относительно датировки написания брошюры, ведь автобиографические материалы Троцкого были датированы апрелем 1919 года. Кроме того, в «Трибун» были включены фрагменты статьи Устинова «Политком», опубликованной в дни первой годовщины создания Красной армии 22 февраля 1919 года⁴⁷. Согласно его воспоминаниям, в начале 1919 года Устинов жил в Москве вместе с Есениным, работал заведующим редакцией «Правды» и лекционным отделом «Центропечати», а также был редактором еженедельной газеты «Советская страна»⁴⁸. Принимая во внимание этот контекст, можно лишь догадываться, каков был «целый ряд причин», по которым книга не могла выйти в тот момент, но по крайней мере с декабря 1919 по сентябрь 1920 года Устинов был в дальней командировке. За указанный период он опубликовал не менее полусотни статей в газете «Советская Сибирь», преимущественно на главной странице, печатаясь бок о бок с видным большевиком Емельяном Ярославским. Важно, что в этот период Устинов не издал ничего, целенаправленно восхваляющего Троцкого, и даже в статье «Политком» речь идет о комиссарах, а не их вожде. В изданной в Омске брошюре, излагающей политграмоту о том, что такое РКП(б), Устинов либо не называет «вождей» по имени, либо, в единственном случае, называет трех — Ленина, Зиновьева

⁴⁷ Устинов Г. Политком // Известия. 1919. 22 февраля.

⁴⁸ Устинов Г. Годы восхода и заката (Воспоминания о Сергее Есенине) // Памяти Есенина. М. : Изд-во Всерос. союза поэтов, 1926. С. 74–75, 78.

и Радека⁴⁹. Первому из них, как будет показано далее, Устинов посвятит апологетическую статью, но Троцкий будет упомянут в ней не слишком комплиментарно.

Когда бы ни был в реальности написан «Трибун», во взглядах Устинова на роль вождей прослеживается видимая преемственность. Его основную мысль можно проиллюстрировать на примере упомянутой выше брошюры о партии:

«Партией руководят вожди, партия руководит массами, вожди учатся у масс. <...> Вожди Российской Коммунистической Партии... лишь указывали путь восставшим массам, понимая их душу и вводя стихийное движение в организационные формы. <...> Вожди и партия до тех пор руководят массами, пока в полной мере отражают ее волю. Перед лицом самой массы они вскрывают ее душу, объясняют ей ее самое, выявляя то, что было от нее скрыто и что она угадывала только одним инстинктом»⁵⁰.

В брошюре о Троцком повествуется о тех же взаимоотношениях вождя и масс, хотя это, безусловно, образчик пропаганды культа вождя, политическая агиография⁵¹. Жанр агиографии был важной составляющей литературного процесса эпохи⁵². Нарратив Устинова испытал на себе его влияние, будучи пропитанным квазирелигиозной риторикой. Наиболее зримо сакрализация образа вождя обнаруживается в параграфах с говорящими заголовками «Далекий и близкий», «Нездешняя сила» и «Трибун революции», по страницам которых рассыпаны самые клишированные дифирамбические фигуры речи: «лицо русской революции», «пламенный революционный трибун» и «пламенная, карающая десница революции», «экстракт организованной воли революционного коллектива», «экстракт революции, ее лицо, ее душа», «вечно звучащий набатный зов»,

⁴⁹ Устинов Г. Российская Коммунистическая партия (большевики). С. 4.

⁵⁰ Там же. С. 9–11.

⁵¹ Термин «политическая агиография» использовался разными авторами, но обоснование его применимости к истории революции и Гражданской войны предложено недавно: Журавлев В.В. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. N 22. С. 64–70.

⁵² Маргарет Зюлковски сделала вывод, что агиография, отделившись от специфических религиозных оснований, стала важным средством выражения разнообразных моральных, социальных, политических и других проблем писателями разных взглядов: Ziolkowski M. Hagiography and Modern Russian Literature. Princeton : Princeton University Press, 1988. P. 247.

«самый яркий пример революционной стойкости, революционной энергии... революционного фанатизма», «блестящий подвижный ум, прекрасная диалектика, пламенный темперамент, поразительная находчивость и остроумие».

Наименование Троцкого «трибуном» едва ли звучало оригинально в контексте русской литературы и политического процесса. Словосочетание «пламенный трибун» можно обнаружить в стихах классиков и популярных современников⁵³. В 1917 году даже газета под редакцией вождя черносотенцев Владимира Пуришкевича называлась «Народный трибун». Но Устинов мог прямо последовать за Бухариным, назвавшем Троцкого «блестящим и мужественным трибуном революции»⁵⁴. Как известно, Ленин в своей основополагающей книге «Что делать?» (1902) окрестил идеальный тип революционера «народным трибуном»⁵⁵. Однако ничто не выдает знакомство Устинова с каноническим ленинским трудом. Более того — в тексте практически отсутствуют фигуры большевистской и, шире, социалистической мифологии. Не случайно Устинов в воспоминаниях признавал, что в 1919 году, когда, по-видимому, и писался «Трибун», они с Есениным «вели бесконечные разговоры обо всем: о литературе и поэзии, о литераторах и поэтах, о политике, о революции и ее вождях (курсив мой — А.Р.), впадали в жуткую метафизику...»⁵⁶. Разумеется, Устинов мог черпать идеи из самых разных источников. Среди

⁵³ «Я зрел, как их могучи волны / Всё ниспровергли, увлекли, / И пламенный трибун предрек, восторга полный, / Перерождение земли» (*Пушкин А.С.* Андрей Шенья [1825]); «Но, пламенный трибун и вождь толпы упорный, / При всех паденьях не терявший веры! / Твой пьедестал нерукотворный — / Гранит Капреры!» (*Брюсов В.Я.* Гарибальди. [1913]).

⁵⁴ *Бухарин Н.И.* Классовая борьба и революция в России. Пг. : Коммунист, 1919. С. 147. В 1926 г. Бухарин назовет Троцкого «трибуном революции», но уже в контексте идущей политической борьбы между ними (*Бухарин Н.И.* О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР // *Большевик.* 1926. N 2. С. 44).

⁵⁵ См.: *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. С. 40.

⁵⁶ Устинов далее писал, что они дошли до того, что он «однажды в редакции пустился в спор с Н.И. Бухариным, защищая нашу с Есениным метафизическую теорию. Бухарин хохотал, как школьник, а я сердился...» Бухарин в итоге пожелал «посерьезнее заняться Марксом» (*Устинов Г.* Годы восхода и заката. С. 75). Характерно, что Устинов довольно откровенно повествует о своей сомнительной, с идеологической точки зрения, дружбе с Есениным и совсем не упоминает Троцкого.

них — широко растиражированная речь Троцкого о Ленине, произнесенная 2 сентября на заседании ВЦИК, вскоре после покушения на Ленина и последовавшего «красного террора», и впоследствии озаглавленная как «О раненом»⁵⁷. Б. Эннкер отметил «мобилизационно-политический потенциал» этого текста⁵⁸. Устинов, для которого речь Троцкого легитимировала панегирический стиль описания вождей, мог и напрямую заимствовать некоторые идеи, к примеру, о важности «дисциплины» и «воли».

При взгляде на композицию и стилистику «Трибуна революции» обращает на себя внимание эклектичность текста и произвольность его «монтажа», как будто склеенного из разных «кадров». В начале автор изложил беллетризованную историю Гражданской войны от лица свидетеля боев за Казань в сентябре 1918 года. Затем повествуется о биографии героя, преимущественно состоящей из пространных цитат автобиографии. В заключительной главе автор возвращается к цельному образу «трибуна», причем завершающий фрагмент, в котором и раскрывается авторская идея, наполовину состоит из характеристики его ораторского таланта.

Вождистский образ Троцкого предстает во всей полноте в первом наиболее «кинематографическом» параграфе, где повествуется о выступлении Троцкого в Казанском театре: «Театр гремел. Здесь, как и всюду за эти дни, Троцкого встретили так, как встречают тех людей, которых понимают, которых чувствуют. Так встречают людей, которые говорят то, что получает отзвук в каждой честной душе» (С. 9). После выступления в театре, делегация от многотысячной толпы, ждавшей на улице, попросила сказать им «хоть два слова». Реакция на новую речь Троцкого была не менее восторженная: «Сумрак ожил. Звучат тысячи голосов, тянутся вверх к балкону тысячи рук. Так не встречают героев. Так встречают борцов. Так встречают людей, в которых чувствуют душу, родную своей душе. Так встречают вождей, в которых масса чувствует воплощение лучшей части самое себя» (С. 10). Понятие «души» занимает привилегированное положение в вокабулярии Устинова. В данном случае речь идет не о

⁵⁷ Первое издание: Речь тов. Троцкого // Известия. 1918. 4 сентября.

⁵⁸ Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. С. 52.

дискурсивных практиках «большевицкой герменевтики души»⁵⁹. Устинов оперирует этим словом в его почти буквальном понимании, как некой активной сущности. Он прибегает к мифологическим тропам в повествовании о том, как «в момент хаоса и беспорядка в армии Троцкий позвал из тыла рабочих, партийных товарищей», могущих «ввести железную организацию, внедрить строжайшую дисциплину», т. е. внедрить институт политических комиссаров в армии: «Надо было быть одновременно и суровым начальником, и нежно любящим братом, в дремавшую душу надо было вдохнуть сознание» (С. 11). Комиссары и матросы становятся героями своеобразного былинного эпоса о спасительной победе. Во время боев под Казанью матросы сознавали, что если они сдадутся, то «погибнет их вождь, погибнет Троцкий, которого они привыкли видеть каждый день... которого они успели узнать и успели глубоко полюбить. Как брата. Как отца. Как вождя. Такого же неустрашимого, как и они» (С. 14 – 15). В итоге «несколько сот отважных матросов грудью своей отстояли своего вождя, отстояли русскую революцию, спасли дело рабочих всего мира» (С. 16).

Устинов следует букве официального советского гимна «Интернационал», утверждая, что Троцкого встречали не как «героя», но как «борца»⁶⁰. «Лицо Троцкого — лицо русской революции. Великий человек играет роль великого человека. Великий народ творит великое дело <...> Троцкий воплотил в себе весь характер русской революции» (С. 16). Устинов развивает тему «негероического» вождя, указывая на иной источник его силы:

«Все, кто был около Троцкого, убедились, что сила его приказания заключается вовсе не в его личности. Троцкий — не герой, не полководец, не диктатор. Троцкий — это экстракт организованной воли революционного коллектива. Его приказание всегда находит отклик в душе того, кому он приказывает.

---

⁵⁹ Это понятие ввел Игал Халфин для анализа субъективности коммунистов: *Halfin I. Intimacy in an Ideological Key: The Communist Case of the 1920s and 1930s. // Halfin I., eds. Language and Revolution: Making Modern Political Identities. London, Portland : Franc Cass, 2002. P. 157.*

⁶⁰ Ср. мотив у В. В. Маяковского: «Не Троцкому / не Ленину стих умиленный. / В бою / славлю миллионы / миллионы пою...» (*Маяковский В. 150.000.000. М. : Госиздат, 1921. С. 55.*)

Приказ Троцкого — это воля революции. Необъятно большой человек воплотил в себе всеобщую волю великого революционного коллектива» (С. 27).

Устинов здесь же подчеркивает, что вне революционных событий Троцкий — «простой смертный, эмигрант, талантливый журналист», но он делает это лишь для того, чтобы воспеть новый символический статус вождя. «В Троцком кристаллизовалась вся психика революции, вся совесть, весь гнев, все великодушные, вся гордость, вся моральная сила масс, творящих революцию», — живописует Устинов, не избегая при этом сомнительных противопоставлений одного вождя другому: «Троцкий — экстракт революции, ее лицо, ее душа. В то время как Ленин — ее кормчий, ее рулевой. Ее разум» (С. 27). Впрочем, воображение автора не занимают ни Ленин, ни другие большевики, даже если в действительности они находились рядом.

Проблема особых качеств «души» революции — Троцкого — раскрывается в понятии воли — «новой», «нездешней» и «сверхъестественной». Человеческие качества Троцкого исключительные — он «стальной неутомимый человек», обладающий «особой», «исключительной» и «нездешней» силой. Автор трижды повторяет, что «никто еще не понял», как Троцкий оказывается способен на столь многое, но ответ на этот вопрос лежит в плоскости сопричастности к сакральному коллективному телу революции. Устинов соглашается с другими в том, что Троцкий «чувствует настроение аудитории», он «может разбудить в массе чувства, которые до того не были никем в ней разбужены», «может заставить покориться себе любой коллектив, если он слабее и меньше того, выразителем воли которого является Троцкий» (С. 28). Затем Устинов делает оговорку, неудачно пытаясь снизить градус пафоса: «Все это несколько, однако, не умаляет тех огромных внутренних свойств, которыми обладает Троцкий. Уже одно то, что он сумел воплотить в себе волю огромного коллектива, показывает необычайную индивидуальную внутреннюю силу его» (С. 28).

Первое и главное, что называет Устинов в числе исключительных «свойств» вождя, — это его организаторские таланты. «Другой, равной Троцкому силы по организационному таланту, революция до сих пор еще не выявила» (С. 63), но более того, провозглашает Устинов, «до Троцкого не было в России организаторов. Это он первый показал, до каких пределов один человек может довести организацию <...> что может

сделать один энергичный, преданный идее человек...» (С. 28). В главке, посвященной Троцкому — «главе вооруженных сил революции», Устинов акцентирует вопрос дисциплины. Наркомвоен «дисциплинирован как никто», он «враг всякой психологической расхлестнутости, распоясанности, морального разгильдяйства» (С. 62). В этой части нарратив особенно сильно испытывает влияние религиозного языка. «Троцкий — организатор, постигший ту простую истину, что всякая организация прочна и жизнеспособна постольку, поскольку в ней существует внутренняя дисциплина» (С. 62). Перенесение открытой политиком «истины» в массы описывается подобно обряду крещения: «...эта дисциплина далась ему, конечно, не даром. Но раз преодолел и увидев ее огромное, неизмеримое значение, он вводит эту дисциплину в революционные ряды железной рукой» (С. 62). «Поезд Троцкого», в этой логике, служил «образцом организации и дисциплинированности». Более того: «Это целый революционный мир. Аскетический мирок... Тут ничего лишнего, мешающего работе» (С. 62). Устинов приводит в пример такой аскезы решение не допускать в поезд женщин (даже телефонисток), ссылаясь на некие «рассуждения» Троцкого, чтобы с пафосом заключить: «В трагической обстановке революционной борьбы... нет место мещанскому семейному благополучию. Тут это — дурной стиль» (С. 63). Любопытно, что картинке мужского братства воинов-аскетов противоречат не только известные списки сотрудников, но и известный факт присутствия в поезде Ларисы Рейснер, как и Устинов, писавшей репортажи с фронта⁶¹.

Трактовка понятия «сознательности», тесно связанного с понятием дисциплины, также испытала на себе влияние религиозного языка. Здесь Устинов воспроизводил азбучные истины любой военной пропаганды: «Армия из рабочих и крестьян обязана знать — за что она воюет. В сознательности армии — ее сила. Троцкий это хорошо понимает. Если рабочий или крестьянин поймет, что он защищает самого себя, свои интересы, свою жизнь, — он будет прекрасным, храбрым солдатом. Надо только сделать так, чтобы он понял»

⁶¹ См.: Список сотрудников секретариата Предреввоенсовета тов. Троцкого [22 февраля 1919 года] // РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 79. Л. 316; См. более поздние воспоминания Рейснер: *Рейснер Л.* Связжск // Пролетарская революция. 1923. N 6/7. С. 177–189.

(С. 63). Но прийти к этому пониманию значит, по Устинову, усвоить «правду»: «Революции не надо прибегать ко лжи и обманам. Она сильна своей простой и трагической правдой» (С. 64). Как было показано ранее, революция по Устинову — это коллективный субъект, душой которого стал Троцкий. Поэтому могущество Троцкого заключается в его способности нести «правду». «Он знал заранее — какую помощь принесут армии политические комиссары и агитаторы», — разъяснял Устинов задачи этих своеобразных проповедников. — «Нужно было, чтобы свой человек, рабочий или крестьянин, понявший неизбежность борьбы, пришел к таким же рабочим и крестьянам, как и он сам, и рассказал бы им правдиво и честно, за что борется Советская Россия. Только и всего. И вчерашние дезертиры неожиданно становятся прекрасными солдатами революции и совершают чудеса храбрости...» (С. 64–65). Среди этих «своих людей» Троцкий лучше всех «знает, что революция сильна не трескучими фразами... а своей простой и несокрушимой правдой», «знает силу горячего правдивого слова. Недаром сам он творит этим словом чудеса, превращая в какие-нибудь несколько дней бегущие в панике банды мобилизованных в стойкие революционные полки, которые останавливаются, как по мановению волшебного жезла, идут затем в наступление...» (С. 65) В описании способностей творить «чудеса» посредством «слова», тем более, в одном ряду с «волшебным жезлом», узнаваемы не только агиографические сюжеты, но фольклорные, сказочные, которым свойственен сюжет борьбы «правды» с «кривдой»⁶².

В последнем параграфе, где раскрывается более узкое понимание Троцкого как «трибуна», Устинов, казалось бы, попытался добросовестно описать вполне современного виртуоза ораторского искусства, словами автора, «одного из самых блестящих первоклассных европейских ораторов», чьи «речи вдохновляют на подвиг» и чей «призывающий голос звучит как тревожный и приказывающий зов набата, который услышав раз, хотя бы и вдали, уже не уснешь спокойно» (С. 66). Но

⁶² В пропагандистской книжке, рассчитанной на политически подкованных красноармейцев, можно было прочесть: «...не кто иной, как Троцкий, успел произвести почти настоящее чудо: под ударами буржуев всего света создать почти что из ничего нашу Красную армию...» (*Дивильковский А. Троцкий // Спутник красноармейца. М. : Лит.-издат. отдел ПУР РВСР, 1920. С. 90–91.*)

переплетение традиционного и современного языка особенно выпукло в этих заключительных фрагментах брошюры. Так, например, при описании ораторских приемов вождя Устинов срывается на живописание его своеобразной святости:

«Мысль у него дисциплинирована так же, как и весь его характер. Вернее — весь он подчинен своей мысли, своей внутренней логике. Я думаю, нет человека, который был бы так гармонически создан, как создан Троцкий. Полная гармония, полная согласованность моральных и физических качеств. Только этим и можно объяснить его поразительную неутомимость в работе, когда он может не спать по двое суток и более, питаться чем-нибудь и как-нибудь (между прочим, Троцкий почти совсем не ест мяса) и, тем не менее, выглядеть здоровым и бодрым» (С. 68).

Процитированный фрагмент, за несколькими поправками, мог быть посвящен не только политикам вроде Керенского, но и трудолюбивому вегетарианцу Льву Толстому, и «святому нашего времени» отцу Иоанну Кронштадтскому⁶³. Но Троцкий являлся не «духовным», а военно-политическим вождем, поэтому переживаемые им «страсти» по характеру ближе к жертвенным образам: «И он больше других был или казался уверенным в победе, хотя, конечно, очень хорошо понимал, что главная и самая жестокая опасность поражения угрожает прежде всего ему. Думал ли он тогда о себе? Едва ли» (С. 68). Жертвенность относилась к числу наиболее популярных клише политического языка эпохи, но Троцкий, которого автор сравнил с «Горьковским Данко» (С. 20), не просто несет личную жертву, он олицетворяет собой коллективное дело и потому пребывает «как всегда спокойным» и «деловитым». Символический образ представлен в картине освобождения Казани: «У некоторых слезы... Слезы восторга, охватившие душу. А Троцкий все стоит у поручня, неподвижный, как серая каменная статуя...» (С. 8). Устинов объяснял такую

---

⁶³ Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»; *Bartlett R. Tolstoy: A Russian Life*. Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 2011; *Kizenko N. A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People*. University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 2000. Рус. пер.: *Киценко Н. Святой нашего времени. Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ*. М. : Новое литературное обозрение, 2006.

статуарность своего героя: «Большая душа если и страдает, то страдает молча» (С. 69)⁶⁴.

Читатель узнает о «страданиях» «большой души» в конце брошюры, где неоднократно повторяется ключевой мотив нарратива, который можно проиллюстрировать формулой: «трагическое лицо — лицо русской революции» (С. 20). Чтобы в очередной раз подчеркнуть драматизм истории, Устинов прибегает к шаблонному приему — ссылке на народное мнение. В данном случае это была «местная крестьянка», которая «один раз мельком» видела Троцкого, когда мыла пол в вагоне его поезда. Фрагмент заслуживает того, чтобы привести его целиком:

« — Видела, братики... Какое белое лицо. И уже седой, а еще и не старый. Много, видно, у него забот.

Она говорила долго. Говорила, как о сыне. Молила Бога, чтобы он помог Троцкому...

— А если Бог не поможет, так мы поможем, — пошутил слушавший ее матрос.

Крестьянка нежно погладила его по голове.

— Дай Бог, — опять сказала она. — По вас вижу, что люди у него хорошие. С вами не пропадешь.

Потом она замолчала и задумалась. Вдохнула, и неожиданно в двух словах выразила все свои впечатления о Троцком:

— Неулыбчивый человек... — сказала она и заторопилась к выходу» (С. 69 — 70).

---

⁶⁴ «А Троцкий, конечно, сильно страдал, когда там, на железнодорожной насыпи смотрел на пылающую Казань и слушал грохот артиллерии, расстреливавшей казанских рабочих», — продолжил Устинов (С. 69). Эмоциональный стиль Троцкого в авторском нарративе не был однотонным. Так, автор называет Троцкого «пламенной, карающей десницей революции», чтобы затем подчеркнуть: «И как истинная народная революция, Троцкий умеет быть великодушным и мягким». В другом месте он так характеризует улыбку Троцкого: «Она иногда бывает такой же детской, такой же привлекательной, такой же доброй, мягкой и ласковой, какая в редкие минуты бывает у нашей революции» (С. 17). Во фрагментах, посвященных общению вождя с народом, в другом месте он упоминает «детскую» улыбку Троцкого. В качестве образца эмоциональной близости был представлен эпизод общения Чапаева с Троцким, во время которого первый «втихомолку любовался Троцким», а второй сначала одарил присутствовавших «доброй, детской улыбкой», затем «отвернулся» в момент, когда, заслушав рассказ о геройстве Чапаева, ему стало «трудно сдерживать свои чувства» (С. 22).

Этот финальный эпизод брошюры иллюстрирует общий замысел автора о глубокой связи между народом и вождем (даже их взаимной заботе) и — через аллегорическую фигуру крестьянки — легитимирует активное использование языка религии. Финальное суждение крестьянки о «неулыбчивости» Троцкого не только позволяет судить о напряжении между фигурами «народа» и «вождя», но также обозначает присутствие реализма в нарративе Устинова. Эта сценка «приземляет» пафос культового образа, ведь крестьянка говорила о Троцком, «как о сыне», и «молила Бога» о помощи ему. В иерархии сакрального революционный вождь не может господствовать или возвышаться над «народом», но только быть «братом» и «отцом». Вне зависимости от задумки автора, фигура крестьянки выразила более сложное отношение окружающих к вождю. Не случайно, что в статье о Ленине, опубликованной в 1920 году, Устинов оставит характерное признание: «Троцкого любят, но в то же время немного боятся»⁶⁵.

* * *

Тумаркин справедливо заметила, что покушение на Ленина в сентябре 1918 года «породило новую риторическую формулу для выражения солидарности с большевистской политикой: непомерное возвеличивание личности вождя. Ее фразеология была самой разнородной. Одни образы были заимствованы из религии, другие восходили к фольклору, широко использовалась военная терминология»⁶⁶. Колоницкий охарактеризовал «политический стиль» революционного 1917 года как такой, в котором «переплетались элементы политической традиции революционного подполья, публичной политики эпохи Государственной думы и художественной культуры Серебряного века, испытавшей на себе воздействие нищезанятия»⁶⁷.

⁶⁵ Устинов Г. Ленин // Советская Сибирь. 1920. 23 апреля. Это был праздничный номер, посвященный 50-летию Ленина. См. о контексте празднования юбилея Ленина: Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. С. 54–61.

⁶⁶ Тумаркин Н. Ленин жив!.. С. 87. Далее Тумаркин пишет: «Стиль этих дифирамбов отличался повышенной эмоциональностью. В целом язык пропаганды свидетельствовал о социальной и политической неоднородности его носителей, а также о богатстве и пестроте революционной риторики...» (Tumarkin N. Lenin Lives! P. 90). В русском переводе слово «heterogeneity» было ошибочно переведено как «однородность».

⁶⁷ Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»... С. 490.

Случай брошюры Устинова «Трибун революции» служит замечательной иллюстрацией активных заимствований и переплетений. Соотношение, совместимость и / или соподчиненность языков дореволюционной русской литературы, революции 1917 года и «большевистской» власти, воплощенной во всей их многослойности и преемственности в нарративе Устинова, актуализирует вопрос смысловой и понятийной локализации. Кричащая, лозунговая, милитарная риторика Устинова прочитывается в качестве «большевистской» благодаря плотной массе «классовых» и «революционных» словесных клише. Но если Устинов и говорил «по-большевистски», то на гибридном «народном» диалекте, но никак не на языке большевизма «партийного». Важно, что такой гибридный политический язык был встроен в советскую пропаганду, но для понимания ее действительного места в символическом порядке власти требуется понимание политического и культурного контекстов, но также и специфики советского книжного «рынка», в условиях которого появилась эта уникальная книжка.

В своем, хотя и пропагандистском, но все-таки литературном творчестве автор «Трибуна» отразил искания нового языка политической коммуникации. В 1918—1920 годы религиозный компонент общественного сознания вступал в соприкосновение с современной рационалистической, материалистической и богорборческой идеологией. Устинов, будучи одним из агентов этой трансформации, сознательно или бессознательно выражал свои идеи в доступной «народу» форме. Текст Устинова пронизан религиозным языком, и, подобно многим пропагандистским нарративам, он отчетливо перекликается с приемами житийной литературы, хорошо известными массовому читателю. «Трибун» — это не «житие» современного святого, но слепок эклектичного мировоззрения конкретного автора, по его собственным словам, «впадавшего в жуткую метафизику» и неудачно пытавшегося сочетать приемы агиографии с автобиографическими материалами Троцкого. В результате сложился нарратив, в своей основе типичный для вождистских культов. Устинов не был оригинален в своем буквальном следовании канонической формуле «ни бог, ни царь и не герой», поэтому «вождь» у него служит воплощением, лицом, строго говоря, символом «народной революции». Личность вождя сакральна постольку, поскольку она служит революции, ее «душе», «воле», «дисциплине» и другим добродетелям. Культ Троцкого не равнозначен культу личности Троцкого, как культ вождя не равнозначен культу революции.